

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 94(47).06

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.1>

ХОТОНЫ КАЛМЫЦКОГО ХАНСТВА XVIII В.

Максим Манчиевич Батмаев

Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, Элиста, 358000, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

nel_max73@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2233-0647>

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию малоизученной в историографии проблеме – хотонам (кочевым поселениям) Калмыцкого ханства XVIII в., которые одновременно являлись самыми мелкими административными единицами. **Материалы и методы.** Исследование основано на обширном комплексе архивных материалов, прежде всего, делопроизводственной переписке, в которой так или иначе отложились сведения о хотонах Калмыцкого ханства XVIII в., численности людей в них, степени родства и т.д. При анализе источникового и библиографического материала и при написании текста статьи применены историко-генетический, сравнительно-исторический, функциональный и описательный методы. **Анализ.** Анализ показал, что значительная часть хотонов состояла из 10–15 кибиток (семей), которые были связаны между собой родственными отношениями, в том числе находившихся на разных ступенях родственных отношений. Однако архивные документы показывают, что помимо обычных хотонов, состоявших из родственных семей, в XVIII в. в Калмыцком ханстве стали появляться кочевые поселения, состоящие из семей или отдельных людей, не связанных родственными узами и даже относящихся к разным субэтническим группам. Иногда в силу различных причин несколько хотонов могли объединяться и составлять отдельную группу из нескольких десятков кибиток, а в ряде случаев из-за чрезвычайных обстоятельств они могли составлять группы даже из нескольких сотен кибиток, правда, на короткое время. При этом

хотоны и другие кочевые группы хотонного типа кроме официальных властей имели и свое внутреннее общественное самоуправление, построенное на жизненном опыте и авторитете управленцев. **Результаты.** Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в социально-стратифицированном калмыцком обществе XVIII в. родоплеменные отношения начинают деформироваться под влиянием сложившихся обстоятельств.

Ключевые слова: социальная история, кочевое общество, монгольские народы, Калмыцкое ханство, кочевые группы, зайсанги, хотоны

Для цитирования: Батмаев М. М. Хотоны Калмыцкого ханства XVIII в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (4). С. 561-567. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.1>

Благодарности: публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания КалмНЦ РАН (проект № 122022700134-6 «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп»).

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 14.06.2023.

Статья одобрена после рецензирования: 19.07.2023.

Статья принята к публикации: 26.09.2023.

Research article

KHOTONS OF THE KALMYK KHANATE OF THE XVIII CENTURY

Maksim M. Batmaev

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

nel_max73@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2233-0647>

Abstract. Introduction. The article analyzes a little-studied problem in historiography – khotons (nomadic settlements) the Kalmyk Khanate of the XVIII century, which at the same time were the smallest administrative units. **Materials and methods.** The study is based on an extensive set of archival materials, primarily clerical correspondence, which somehow deposited information about the khotons of the Kalmyk Khanate of the XVIII century, the number of people in them, the degree of kinship, etc. Historical-genetic, comparative-historical, functional and descriptive methods were used in the analysis of source and bibliographic material and in writing the text of the article. **Analysis.** The analysis showed that a significant part of khotons consisted of 10-15 kibits (families), which were connected with each other by kinship relations, including those who were at different levels of kinship relations. However, archival documents show that in the 18th century, in addition to ordinary khotons consisting of related families, nomadic settlements began to appear in the Kalmyk Khanate, consisting of families or individuals not related by kinship and even belonging to different sub-ethnic groups. Sometimes, for various reasons, several khotons could unite and form a separate group of several dozens of kibits, and

in some cases, due to extraordinary circumstances, they could form groups even of several hundred kibits, though for a short period. In addition to the official authorities, khotons and other nomadic groups of khoton type had their own internal public self-government built on the life experience and authority of their managers. **Results.** Thus, it can be concluded that in the socially stratified Kalmyk society of the XVIII century tribal relations began to deform under the influence of the prevailing circumstances.

Keywords: social history, nomadic society, Mongolian peoples, Kalmyk khanate, nomadic groups, zaisangs, khotons

For citation: Batmaev M. M. Khotons of the Kalmyk Khanate of the XVIII century. *Humanities and law research*. 2023;10(4): 561-567. (In Russian). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.4.1>

Acknowledgments: the reported study was prepared within the framework of the state assignment of the Kalmyk Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (project No. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups').

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 14.06.2023.

The article was approved after reviewing: 19.07.2023.

The article was accepted for publication: 26.09.2023.

Введение. Научно-этнографические наблюдения, а затем и изучение жизни калмыков началось во второй половине XVIII в., хотя историей калмыцкой интересовался еще В. Н. Татищев, будучи астраханским губернатором в 1741–1745 гг. До этого он организовал в 1737 г. в Самаре татаро-калмыцкую школу [7], которая организовала ряд экспедиций для изучения окраинных территорий и их населения. Вторая экспедиция 1768–1774 гг. охватила районы Урала, Поволжья, Сибири, Персии и Китая. Руководил работой экспедиции П. С. Паллас (1741–1811), который вместе с учеными Иеригом, Георги, Лепехиным исследовал территорию и жителей Калмыкии. Двое последних и сам Паллас опубликовали результаты своих работ. Здесь же надо назвать работу В. М. Бакунина, которая хотя и была в основном закончена к 1761 г., но опубликована же в полном виде только в 1939 г. Наконец, полная версия труда В. М. Бакунина увидела свет сравнительно недавно, в 1995 г. [2]. Необходимо отметить, что в работах XVIII в. отсутствует теоретизирование: авторы просто описывали то, что видели.

В XIX в. количество опубликованных историко-этнографических работ о калмыках заметно увеличилось. Здесь в первую очередь надо отметить имена Н. Я. Бичурина (Иакинфа) [1], Ф. А. Бюлера [3], К. И. Костенкова [8], Н. А. Нефедьева [11], М. Г. Новолетова [12], А. М. Позднеева [14]. В отличие от работ XVIII в., авторы следующего столетия стремятся дать оценку действиям правящей верхушки калмыцкого народа, пытаются определить и выяснить причины развития событий. Вместе с тем, с методологической точки зрения они стояли на ошибочных позициях, а потому и не могли дать правильную оценку уровню общественно-политического развития калмыцкого народа. Так, например, П. Небольсин считал, что «калмыки принесли к нам из-за Алтая то же устройство, какое имели и все монголы. Устройство это было основано на началах патриархального родового их быта» [10, с. 7]. Такого мнения придерживались все дореволюционные калмыковеды.

В советское время стали безраздельно господствовать постулаты формационной теории, так называемого марксизма-ленинизма, критическое осмысление которой произошло на наших глазах. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в советское время развитие отечественной исторической науки продолжалось, в том числе, в частности, и монголоведения. Важной вехой на этом пути была посмертная публикация в 1934 году выдающегося труда Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм», который вместе с другими его работами переиздан в 2002 году. Этот факт позволяет мне не останавливаться специально

на его теоретических взглядах; отмечу только, что он преувеличивал степень феодализации монгольского общества в рассматриваемое им время.

Изучение истории калмыцкого народа в 20-х – начале 30-х гг. XX в. связано с именем Н. Н. Пальмова. В 1922 г. вышел его первый обобщающий «Очерк истории калмыцкого народа за время пребывания его в пределах России», а позже «Этюды по истории приволжских калмыков» в пяти частях, которые выходили в 1926 – 1932 гг. в г. Астрахани. Из работ, вышедших после восстановления калмыцкой автономии, где имеются точки соприкосновения с темой моей статьи, можно назвать работы У. Э. Эрдниева [15] и У. Душана [5].

Ныне все большее количество ученых-обществоведов становится приверженцами цивилизационной теории, которая в основу развития кочевых обществ ставит «цивилизационные факторы – этнокультурные связи и отношения, государственность, а не так называемые общие закономерности исторического процесса, рассматривают собственность на скот и землю в диалектическом единстве как основу стратификации, а не феодализации монгольского общества (куда относятся и калмыки – М.Б.), его исторической эволюции» [4, с. 6]. Я отношусь к сторонникам последних.

Материалы и методы. При анализе исторического и библиографического материала и при написании текста статьи применены историко-генетический, сравнительно-исторический, функциональный и описательный методы. Под историко-генетическим методом я подразумеваю объяснение содержания и сути того или иного состояния или явления, исходя из прошлых известных его состояний.

Сразу надо отметить, что упоминания о хотонах не так уж часты в просмотренных мною делах фонда 119 «Калмыцкие дела»; фонда И-1 «Главный пристав при калмыцком народе» Национального архива Республики Калмыкии (далее – НАРК); фонда И-35 «Калмыцкая экспедиция при Астраханской губернской канцелярии» НАРК; фонда И-36 «Состоящий при «Калмыцких делах» при астраханском губернаторе» НАРК. Тем не менее выявленные в архивах сведения позволили сделать некоторые обобщения и прийти к определенным выводам.

Анализ. Г. Е. Марков свидетельствует, что к эпохе Хубилая (1260–1294) «относится одно из первых упоминаний термина «хотон» как элемента общественной организации, получившего впоследствии широкое распространение». По его мнению, эти кочевые общины представляли собой «скорее всего самые мелкие племенные подразделения». Далее Г. Марков заявляет, что «племенная организация» продолжала суще-

ствовать у западных монголов, а значит и у калмыков, еще и в XIX в. «Представление о ней как о пережитке родового строя противоречит действительности, так как она является для кочевничества закономерным явлением» [9: 78–79]. В данном случае Г. Марков полемизирует с И. Я. Златкиным, который считал глубоко ошибочным «утверждение, что у монголов, и в частности у ойратов, сохранилась родоплеменная структура общества, что ойратские омоки дэрбэтов, хошоутов, торгоутов, чоросов, хойтов и др. представляли собой особые племенные общины» [6: 58].

П. Паллас сообщает, что хотоны (в его работе они называются хатунами) состояли из 10–12 кибиток, и к каждому из них «определены надзиратели, которые главному сайсангу их аймака, а сии своему нойону повиноваться должны» [13, с. 484–485]. Небольсин, не называя определенное число, писал: «Зародышем, основание рода был «хотон». Хотоном называется купа близких родственных семей, сообща, нераздельно живущих на данной местности» [10, с. 7]. В одном документе, где в примечании к калмыцкому письму упоминаются хотоны, пишется, что они состоят из десяти и менее кибиток [42, с. 245]. В советское время в целом также было принято считать, что хотоны насчитывали, самое большее, 10–15 кибиток и обитатели их были родственниками.

При работе с архивным материалом мною было замечено, что, действительно, если речь шла о хотонах, то количество кибиток в них было примерно равным принятому в исторической литературе. Однако в XVIII в. у калмыков были группы совместно кочующих кибиток, количество которых могло достигать до 70 и даже больше. Такие группы хотонами не назывались. Кем или чем они были?

Вот дает показания Габун Тодоев (из улуса хана Церен-Дондука) – сын зайсанга Тодоя. Летом 1731 г. Габун в трех кибитках «за скудостью своею» отошел от отца и жил на Татьянинном острове. Перезимовав, он перешел на луговую сторону Волги и соединился со своим зятем Бахаем в улусе брата Дондук-Омбо Бокшурги. Однако осенью он расстался с зятем и пришел в Черный Яр, где и провел зиму 1732–1733 гг. Весной прикочевал к Черному Яру с улусом своим дербетский Лабан-Дондук, и Габун «пристал для кочевья с протчими калмыки разных улусов, которые кочевали при Черном же Яре, к тому улусу» [19, л. 148]. Габун был торгоутом и вряд ли в дербетах у него были родственники по крови.

23 июня 1747 г. дает показания Замба, Харцагаев сын, владения наместника Дондук-Даши, аймака зайсанга Собин Иши: кочевал он с калмыками разных зайсангов в десяти кибитках на луговой стороне Волги в урочище Сасыколи [23, л. 382]. Как видим, люди разных зайсангов, явно не родственники, а кочевали вместе.

11 января 1736 г. в Саратове у Калмыцких дел три крещеных калмыка объявили: нынешней зимой располагались они девятью кибитками с

другими крещеными на луговой стороне на реке Саратовке. В двух верстах от них сидели также крещеные в 19 кибитках, в том числе 2 кибитки некрещеных Галдан Данжинова владения. В любом случае не все они были родственниками [21, л. 4]. Габун Сюкеев долгое время «кочевал своею кибиткою по разным местам», а затем стал постоянно кочевать в урочище Алче в семи верстах от Красного Яра в числе четырех кибиток: тесть Галту, он и две семьи посторонних калмык [43, л. 43].

Для успешного кочевания хотоны на время могли объединяться. Один астраханский татарин шел по следам своих угнанных калмыками лошадей, и один след привел его к двум хотонам, расположенным друг против друга. Татарин просил старшин хотонов, знакомых ему, чтобы они ответили за след от своих хотонов, но они отказались [34, л. 431]. В другом случае совместно кочевали шесть хотонов [39, л. 263]. Нойон Бамбар писал руководителю Калмыцких дел И.А. Кишенскому, что казахи отогнали у кочующих на краю улусов трех хотонов 1000 лошадей [40, л. 67]. Иногда из-за чрезвычайных ситуаций в ограниченной местности могли на время скопиться сотни кибиток. Так, осенью 1761 г. поблизости верхнего Ахтубинского городка, правда на недолгое время, скопилось разных владений более пятисот кибиток [31, л. 118].

В одну темную ночь от Енотаевска был отогнан табун лошадей, за ними погнались драгуны и гнались до самых Мочагов, а это побережье Каспия. След привел преследователей в местность, где располагалось кочевье 60 кибиток, «а именно шабинерова улуса, а аймаку зайсанга Бордона, называемому Бунимергеню, да Зюнгорова улуса и Икицохурова улуса ж, в коем главным калмыченин Бунтур» [24, л. 157].

Кстати, здесь надо подробнее остановиться на том факте, что хотоны и другие кочевые группы хотонного типа, кроме официальных владений, имели и внутреннее общественное управление, построенное на жизненном опыте и авторитете. Например, подвластный нойона Яндыка Нима кочевал «кибиткою своею с протчими ... калмыками в тридцати кибитках, которые все находятся под смотрением дву человек рядовых калмык Доржи и Цаган Зана» [25, л. 233]. Дербетские Азов и Качали объявили А.П. Волынскому, что живут они «с товарищи сорок кибиток при Саратовке лет з дватцать», и что ныне желают креститься» [16, л. 155]. О том, что у них был зайсанг, ничего не говорится.

В приказе И.А. Кишенского казаку А. Болдыреву, посланному для привода людей, сказано: «...а чтоб они вам отданы были беспрепятственно и никто во оных не вступался, о том присем дается тебе от владельца Бамбара к улусным ево старикам за печатью письмо» [39, л. 205]. Некто Делек сказал в допросе, что живет... в числе четырех кибиток под присмотром

приставленного к ним... одного из старших калмык» [38, л. 356]. Пять дербетских старшин, которые самовольно перешли на нагорную сторону Волги, были арестованы и после допроса «наказаны плетью и отпущены» [40, л. 211]. При этом они не были зайсангами. Раз речь зашла о дербетах, надо отметить, что совместно могли кочевать представители разных этнополитических калмыцких объединений. Так, например, в 1741 г. дербетский нойон Лабан-Дондук оповещал П. Кольцова, что его люди, «Ханбулат с товарищи», кочевали в 43 кибитках при Малыковке, которых разграбили самарские казаки. Из тех кибиток 23 были Лабан-Дондука, «а прочие ханские» (то есть торгута Дондука-Омбо) [44: 844].

К сожалению, очень мало в источниках сведений о количестве и составе жителей хотонов. 1 апреля 1759 г. прикочевали к яицким форпостам из волжских калмыков «владения Эмчитова» зайсанга Лакбы Намсина 20 кибиток, в которых проживали 80 мужчин и 50 женщин [30, л. 175]. В другом случае говорится, что в 6 кибитках проживали 21 человек мужского и женского пола [28: 491]. Икицохуровский нойон Асархо подарил прапорщику С. Везелеву «в вечное владение» подвластного своего Болота с женой, двумя сыновьями и дочерью, в чем дал «калмыцкое за печатью письмо» [34, л. 305].

Состав жителей хотонов мог быть довольно пестрым. Например, вот состав хотона по данным допроса некоего 60-летнего Мухулая, Болотова сына, владения наместника ханства Убаши, зайсанга Тарбаи Баранга. Прикочевал он к Красному Яру в 25-летнем возрасте. Постепенно к нему подкочевали еще 6 кибиток Лозона Джамбы владения зайсанга Ачи Замьянга. Затем к ним присоединились вышедший из казахского плена Куска Гахаев со своими свойственниками: Бамбарова владения сват Гурте и Шеаренгова владения два зятя Тюмир и Манжи [43, л. 41].

Таким образом, можно сделать вывод, что, как показывают источники, даже не все хотоны строились на родственной основе. Появлялись хотоны, жители которых не все были родственниками, а что уж говорить о более крупных сообществах. Вместе с тем нужно отметить, что родственные отношения были еще сильны в калмыцком обществе XVIII в. Они охватывали большой круг людей, находившихся на различных ступенях родственной лестницы. Житель улуса Церен-Дондука «именем Дундук» приехал на один из форпостов «с женою, детьми и с родственниками, и со скотом своим в 26 кибитках и просил крещения» [20, л. 354].

Иногда родственные отношения подвластных регулировали даже нойоны. Так, дербетский нойон Галдан-Церен определил «называемого Габун Иши» начальником над родственниками, «и в том дал ему за печатью своею письмо». Такое же право в 1772 году было дано Тюдюну, младшему брату Габун Иши, уже нойоном Цибек-Убаши (сыном Галдан-Церена). «И при даче

вышеписанных от обоих владельцев писем свидетелями были судья Тогмид и зайсанг Орок, а ходатаем по сему делу был зайсанг Шунгурцук». Правомочность писем подтвердил и новый нойон Ценден-Дорджи, с тем условием, чтобы тот кроме детей своих с прочих родственников платил положенные подати [17, с. 176].

Босхомджи Кишиков, владения Дондук-Даши, Шабинерова улуса зайсанга Сойбин Иши, поехал по своему желанию в Черкасск к родственникам. Жил там два года, «кормился» у них и у знакомых. Из Черкасска, нанявшись вместо одного базового калмыка, поехал «в шведский поход» [25, л. 134]. Таких «волонтеров» было немало. Дербетский зайсанг Гуан Аю жаловался руководителю Калмыцких дел И.А. Кишенскому в октябре 1765 г., что аймачный его человек Зундуй Гецюль «по некоторым неосновательным проищам с родственниками своими в числе 35 кибиток от него отошел» [39, л. 341].

Иногда увольнительные письма давались человеку за довольно необычные дела. Калмык Иома получил такие письма от Церен-Дондука и от Дондук-Даши за то, что его старший брат Серке «в сожжении и собрании хана Аюки пепла оказал немалые труды, он, Иом, с родственниками в 21 кибитке, от податей и подвод уволен и велено ему в природных Баготовых улусах находится с покоем» [36, л. 29].

Вместе с тем нужно отметить, что во 2-й пол. XVIII в. появляются в архивных документах материалы, говорящие о появлении трещин в родственных отношениях калмыков. 25-летний Габун Чюрюмов в 1764 г. отъехал в Астрахань для найма в работу «у кого погодитца». Поработав с полмесяца, он заболел, взял расчет и до выздоровления жил за Волгой недалеко от Астрахани. Выздоровев, он решил креститься, так как его родной дядя, у которого он «для пропитания» взял две лошади, стал требовать 8 рублей долга за них. Так как у Габуна не было денег, то дядя вознамерился укрепить его «себе в холопство силою». Чтобы избежать этого, Габун решил за благо креститься [35, л. 78]. Абсолютно похожий случай произошел чуть ли не за 20 лет до этого. Барын Сюкеев ушел из улусов в Астрахань с родным дядей. В апреле 1774 г. дядя продал его на Цареве протоке туркмену за 13 рублей, а туркмен хотел продать его крымским татарам. Барын бежал от него и запросил крещения.

Отдельный человек действовал под влиянием и даже под давлением складывающихся обстоятельств и своего индивидуального выбора. Не всегда обстоятельства складывались благоприятно, не всегда выбор был удачным.

Начнем с некоего Амрака Шараева, который прожил до дня его допроса обычную для того времени и его социального положения жизнь. Отец его родился в улусе дербетского главного нойона Четера, откуда ушел в Черкасск, где и родился Амрак. Из Черкасска отец привез малолетнего Амрака в тот же Четерев

улус и, прожив там несколько лет, бежал в улус Дондука-Омбо. Эти метания родителя указывают на его беспокойный характер. Действительно, в скором времени родитель бежал в Саратов, бросив Амрака. На момент допроса отец был жив, был крещеным и продолжал жить со вторым крещеным сыном и с малолетним внуком Баяном, сыном Амрака в Саратове.

Амрак же после бегства отца продолжал жить в улусе Дондука-Омбо у зайсанга Чолона, который женил его на своей аймачной калмычке и причислил его к своим аймачным людям, и стал брать с него положенные подати [18: 440]. 16 мая 1729 г., будучи на калмыцком торгу против Саратова, Амрак встретил своего крещеного брата Хачали, у которого проживал их отец. Амрак пожаловался брату, «что владелец меня оставил и я ныне оскудал и желаю креститца» [18, л. 441].

Отыскали и допросили отца Амрака Шарая Цойхошева. По его показаниям, он родился в улусе Мунко-Темира, от роду ему было 80 лет. Еще при жизни его нойона, Шарай, будучи 17 лет от роду, бежал в Черкасск вместе с матерью, которую увез с собой брат ее, е его дядя, и жили они там 23 года. Женился 23 лет в Черкаске на купленной калмычке Замсе, которую купил там же у одного казаха, и потом вместе с ней крестился. 43 года назад жена умерла в Черкаске. Позже Шарай женился вторично 33 года назад. Из Черкасска обратно в улус он попал следующим образом: Черкес, брат Мунко-Темира, откочевал за Дон на реку Аксай, вместе с ним приковывал отец первой его жены, которому Шарай отдал на воспитание двухлетнего сына, а сам на время отъехал к заволжским калмыкам. Между тем Мунко-Темир «поимал» брата Черкеса, а улус его привел за Волгу, и таким образом Шарай и сын его Амрак в улусах и остались [18, л. 446 – 449].

Были люди, которым не повезло чуть ли не с младенчества. Например, один из таких бедолаг решил креститься и в допросе при выяснении сопутствующих обстоятельств показал, что ему 35 лет, а живет «с самого его малолетства при протчих калмыках близ моря, астраханского Спасова монастыря при учуге, имянуемом Чурке, по найму у астраханского купца Василья Варварова» [37, л. 44]. В 1762 г. пожелал креститься Кобенъ, Очилов сын, 47 лет, владения наместника Убаши, Керетева улуса, аймака зайсанга Шарапа Доржи. Из дальнейших его показаний выясняется, что родители его умерли, когда ему было 13 лет. Зайсанг продал его гелюнг Лузану, а тот женил его «на имеющейся у него в холопстве девке, с которой прижил детей; трех сыновей и трех дочерей» [32, л. 168]. Гелюнг начал продавать детей, и Кобен обратился к русским властям: были отправлены в Ставрополь на Волге [32, л. 169].

Крещенный Петр Иванов, задержанный на Дону, показал, что до крещения звался Бютюк

Самтанов, родом из Багацохуровского улуса. По смерти родителей остался малолетним и находился при дядьях, которые были котечинерами, то есть домовыми владельческими служителями. Когда багацохуровскую Церен-Балзуру, сестру Цебек-Доржи, отдавали за дербетского Гюнгю, то в приданое за неё отдали дядьев Петра. Когда после смерти Гюнгя, Церен-Балзуру вернули к родственникам, с нею ушли и дядья, а Петр по каким-то причинам остался в дербетах. После он попал в Ставрополь-на-Волге, где и был крещен [41, л. 760]. Жакба Абданов имел кочевье около Красного Яра в степи своею кибиткою и находился в пастьбе скотского стада у красноярского купца Я. Вакурова лет с тридцать без всякой платы [33, л. 46].

Некий Габун Назаров доносил В.Н. Татищеву, бывшему в первой половине 40-х годов XVIII в. астраханским губернатором, что купил у сына одного зайсанга трех лошадей за 13 рублей. Лошади оказались краденными. Во время продажи их Габуном в Астрахани, один татарин опознал лошадей и, поймав злополучного продавца, передал его даргам, которые следили за порядком на торгу. Габун Назаров объяснил им, что купил лошадей у Габуна Доржи, но тот стал отрицать указанный факт. Тогда, по обычаю, ему предложили подтвердить свидетельство через держание горячего топора рукой. Через положенные трое суток признаков виновности на руке не обнаружилось, и его отпустили. Габуна же Назарова связали арканом и на груди привязали седло и спрашивали, «с кем он тех лошадей крал и где жил после воровства». Наконец, его хотели везти к ханше Дарме-Бале на суд, «и убоясь, что ему по приводе не миновать тяжкого себе наказания, ночью бежал» [22, л. 140].

Недостаточность мер, предпринимаемых по законам уложения 1649 г., понимал и наместник Дондук-Даши. В декабре 1749 г. он писал губернатору И.А. Брылкину, имея в виду различного рода преступников: «Некоторых хотя и сыскиваем, но мы их штрафуем по древнему нашему обыкновению, отчего им подлинно уняться и в чюство притти неможно, чего для у великой государыни судного права я и прошу, о чем приложу старание чрез доношение таково судное право прошу исходатайствовать» [26, л. 529].

В этом же письме наместник отмечал, что их подвластные, не имеющие скота и живущие рыбной ловлей, живут далеко за Волгой и ведут себя как бы не имеющие над собой власти владельцев и зайсангов, а морс кую воду и камыши имеют себе за крепости, «к которым хотя и наши посланцы ездят, но они де не токмо что краденое, но и свой скот в такие места за воды и камыши упрятывают, что человеку того никак признать не можно, и живут так, якобы ничего у себя не имеют» [26, л. 528].

С самого начала XVIII в. интенсивно начал развиваться процесс отхода части калмыцкого

населения от классического кочевого скотоводства. По тем или иным обстоятельствам калмыки стали все больше заниматься отходничеством, рыболовством и земледелием. К середине века процесс этот зашел так далеко, что сам наместник писал астраханскому губернатору А.С. Жилину, что его подвластные делятся на две части: которые кочуют близ Астрахани (так сказать – речные) и степные [29, л. 212 – 213]. В связи с таким создавшимся положением наместник и губернатор пришли к соглашению, что долговые деньги с калмыков, кочующих близ Астрахани, будут собирать бодокчеи, а со степных – Н. Спицын и определенный от наместника поверенный [29, л. 213].

В связи с увеличением различных житейских контактов между калмыками и соседним российским населением, участились и случаи неприязней и недоразумений, которые по терминологии тогдашнего времени назывались в офи-

циальных документах «воровством и грабительством». Российское правительство и местная русская администрация при регулировании их больше уповали на силовые методы. Наместник в одном разговоре с Н. Спицыным успокаивающе заявил: «...ныне для того пресечения воровства и грабительства намерен при тех бедных калмыках определить при десяти кибитках десятника и поручить в смотрение их, чтоб они без ведома... своих десятников никуда не ездили» [27, л. 43].

Результаты. Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы. В калмыцком обществе XVIII в. не было проявлений родоплеменных отношений. Оно было сословно-стратифицированным. Даже правила и обычаи, вытекающие из факта биологического родства, начали деформироваться под влиянием правил господства и подчинения, которые действовали в реальной калмыцкой повседневности.

Литература

- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев: сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Бюлер Ф. А. Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы // Отечественные записки. 1846. Т. 47–49. № 7–8, 10–11.
- Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
- Душан У. Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. Вып. 1. С. 5–89.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. Изд. 2-е. М.: Наука, 1983. 333 с.
- История отечественного востоковедения до середины XIX века. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 435 с.
- Костенков К. И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. 171 с.
- Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.: МГУ, 1976. 320 с.
- Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса, составленные Павлом Небольсиным. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Нефедьев Н. А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. СПб.: Тип. К. Крайя, 1839. VIII+290 с.
- Новолетов М. Калмыки. Исторический очерк. СПб.: Изд. владельца Малодербетовского улуса нойона Церен-Давида Тундудова, 1884. 79 с.
- Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Имп. АН, 1773. 117 с.
- Позднеев А. М. Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1886. Ч. 244. Март. Отд. 2. С. 140–171.
- Эрдниев У. Э. Калмыки (конец XIX – начало XX вв.): Историко-этнографические очерки. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. 312 с.
- Архив внешней политики Российской империи. Ф. 119. Оп. 1. 1723 г. Д. 6.
- Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. И-35. Оп. 1. Д. 94.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 35.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 50.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 68.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 79.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 142.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 220.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 221.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 230.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 236.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 242.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 253.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 275.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 321.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 337.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 339.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 351.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 356.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 357.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 361.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 363.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 373.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 374.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 386.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 407.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 409.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 430.
- НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 437.

References

1. Bichurin N. Ya. (Iakinf). Historical review of the Oirats or Kalmyks from the XV century to the present. Elista: Kalmykia Book Publ.; 1991. 128 p. (In Russ.).
2. Bakunin V. M. Description of the Kalmyk peoples, and especially of them the Torgout and the deeds of their khans and owners: an essay of 1761. Elista: Kalmykia Book Publ.; 1995. 153 p. (In Russ.).
3. Byuler F. A. Nomadic and sedentary foreigners living in the Astrakhan province. *Otechestvennye zapiski*. 1846;(47-49):7-8, 10-11. (In Russ.).
4. Vladimircov B. Ya. Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples. Moscow: Oriental Literature; 2002. 557 p. (In Russ.).
5. Dushan U. Customs and rituals of pre-revolutionary Kalmykia. In Ethnographic collection. Part 1. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History; 1976. P. 5-89. (In Russ.).
6. Zlatkin I. Ya. History of the Dzungarian Khanate. 1635-1758. Moscow: Science; 1983. 333 p. (In Russ.).
7. The history of Russian Oriental studies until the middle of the XIX century. Moscow: Science; 1990. 435 p. (In Russ.).
8. Kostenkov K. I. Historical and statistical information about the Kalmyks nomadic in the Astrakhan province. St. Petersburg: Ministry of State Property; 1870. 171 p. (In Russ.).
9. Markov G. E. Nomads of Asia. Structure of the economy and public organization. Moscow: Moscow State University; 1976. 320 p. (In Russ.).
10. Nebol'sin P. I. Essays on the life of the Kalmyks of the Khosheutovsky ulus, compiled by Pavel Nebolsin. St. Petersburg: Printing house of K. Kraj; 1852. 192 p. (In Russ.).
11. Nefed'ev N. A. Detailed information about the Volga Kalmyks collected on the spot by N. Nefediev. St. Petersburg: Printing house of K. Kraj; 1839. VIII. 290 p. (In Russ.).
12. Novoletov M. Kalmyks. Historical essay. St. Petersburg, Printing house of Tseren-David Tundutov; 1884. 79 p. (In Russ.).
13. Pallas P. S. Travel to different provinces of the Russian Empire. Part 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences; 1773. 117 p. (In Russ.).
14. Pozdneev A. M. Astrakhan Kalmyks and their attitude to Russia before the beginning of this century. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1886;244(2):140-171. (In Russ.).
15. Erdniev U. E. Kalmyks (late XIX – early XX centuries: Historical and ethnographic essays). Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History; 1970. 312 p. (In Russ.).
16. Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. F. 119. Inv. 1. 1723 g. D. 6. (In Russ.).
17. National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). F. I-35. Inv. 1. D. 94. (In Russ.).
18. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 35. (In Russ.).
19. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 50. (In Russ.).
20. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 68. (In Russ.).
21. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 79. (In Russ.).
22. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 142. (In Russ.).
23. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 220. (In Russ.).
24. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 221. (In Russ.).
25. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 230. (In Russ.).
26. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 236. (In Russ.).
27. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 242. (In Russ.).
28. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 253. (In Russ.).
29. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 275. (In Russ.).
30. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 321. (In Russ.).
31. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 337. (In Russ.).
32. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 339. (In Russ.).
33. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 351. (In Russ.).
34. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 356. (In Russ.).
35. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 357. (In Russ.).
36. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 361. (In Russ.).
37. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 363. (In Russ.).
38. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 373. (In Russ.).
39. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 374. (In Russ.).
40. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 386. (In Russ.).
41. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 407. (In Russ.).
42. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 409. (In Russ.).
43. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 430. (In Russ.).
44. NARK. F. I-36. Inv. 1. D. 437. (In Russ.).